

Остались нерешенными вопросы отделки помещений, качества строительства, «долгостроя». Возросли взяточничество и коррупция.

Также на первый план вышла проблема незавершенного строительства. В Иркутской области в 1975 г. оно составило 75,3%, большая часть приходилась на жилье, школы, больницы и другие объекты социального назначения. Основной причиной стал недостаток финансирования. На начальном этапе стройки деньги выделялись, а затем их поступление сокращалось. Часто строительство по стоимости превышало смету, которую в центре старались ограничить в целях экономии. Можно заподозрить и местных чиновников в перерасходе средств (*ГАИО, ф. 1827, оп. 1, д. 631, л. 242–244*).

Таким образом, несмотря на широко разрекламированную социальную политику, при больших капиталовложениях и значимых административных возможностях, в Иркутской области полностью решить вопрос с обеспечением жильем населения городов не удалось. Квартиры, которые получали люди, часто не удовлетворяли их запросам и не соответствовали нормам благоустройства. Поэтому не удивительно, что недостаток жилья называли одной из главных причин высокого оттока населения из региона. Но с другой стороны, учитывая резкое увеличение населения за счет строителей и рабочих, а также членов их семей, при изначально небольшом количестве многоэтажного жилья в исторических городах и неразвитости инфраструктуры в районах нового освоения, достижение за 30 лет прироста жилой площади на 3,4 м² на человека можно считать хорошим результатом. Практически на пустом месте выросли новые благоустроенные города Ангарск, Братск, Железногорск-Илимский, Усть-Илимск.

А.А. ДОЛГОЛЮК

ДВИЖЕНИЕ КАДРОВ В СТРОИТЕЛЬНОЙ ОТРАСЛИ СИБИРИ в 1950–1960-е гг.*

Исторически сложилось так, что доля постоянных кадров, занятых на строительном производстве, всегда была очень малой. Численность строителей резко увеличивалась в весенне-летнее время, а осенью сокращалась. Сезонность данной отрасли в основном удалось преодолеть лишь в годы первых пятилеток. Но и позднее капитальное строительство характеризовалось высокой подвижностью его работников. Она определялась целым комплексом объективных причин, которые не позволяли создать в отрасли трудовые коллективы по своей стабильности иден-

* Работа подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 10-01-00295а.

тичные тем, что функционировали в успешно работающих промышленных предприятиях. Высокий оборот кадров часто вызывался постоянно изменяющимися объемами строительно-монтажных работ, выполняемых конкретными трестами или управлениями. Они иногда могли резко возрасти, а затем так же стремительно сокращаться. В таких условиях очень трудно сохранять даже высококвалифицированные кадры. На высокой текучести сказывались и неблагоприятные условия труда — ведь значительная часть работ проводится под открытым небом, в жаркую и дождливую, холодную, снежную, и в ветреную погоду.

Спецификой труда строителей является частая смена рабочих мест не только на отдельной строительной площадке, но и в городе, а иногда и в пределах более крупной территории, размеры которой измеряются десятками километров. Отдаленность строящихся объектов от места жительства, сложности с транспортировкой также становились причинами увольнений многих работников.

И все же основные причины высокого оборота кадров лежали в социальной сфере. Настоящая работа как раз и посвящена выявлению данной зависимости в подрядных организациях Сибири в 1950–1960-е гг.

Анализ имеющихся публикаций и архивных материалов показывает, что в первую очередь текучесть кадров зависела от обеспеченности строителей и членов их семей жильем. Особенно острой жилищная проблема была в первое послевоенное десятилетие. Даже на крупных новостройках, имеющих важное народнохозяйственное значение, жилья для трудящихся возводилось очень мало. Еще на уровне проектирования Иркутской ГЭС в расчетах численности населения рабочих поселков был сознательно уменьшен коэффициент семейственности, что определило заниженные плановые показатели по жилищному и культурно-бытовому строительству. Но даже и они не выполнялись.

Тем не менее, в 1951–1956 гг. строительные организации хотя и медленно, но наращивали собственный жилой фонд. В то же время росла численность их работников, поэтому обеспеченность жильем увеличивалась незначительно. Показатель обеспеченности жильем в 4–6 м² на человека к середине 1950-х гг. являлся средним для семей работников ведущих строительных организаций Сибири (*РГАЭ, ф. 1562, оп. 328, д. 4572, л. 2–9, 35–49, 61–67; д. 4590, л. 3, 15–17*).

С этого времени масштабы жилищного строительства резко возросли. Жилищное строительство в больших масштабах стало вестись не только подрядным, но и хозяйственным способом. С каждым годом увеличивалась доля строителей, проживающих в государственном жилищном фонде. Среди строителей стало больше распределяться квартир. Кроме жилья, введенного за счет собственных средств, строительные организации получали также квартиры от заказчиков. Позднее строительно-монтажные организации получили право аккумулировать средс-

тва от заказчиков на собственных счетах и уже на эти капвложения сооружать собственные дома для своих работников. Многие строительные тресты умело распорядились предоставленной возможностью. Управление «Сибметаллургстрой» за пятилетие с 1964 по 1968 г. построило для строителей свыше 140 тыс. м² жилплощади (*Вопросы использования трудовых ресурсов Кузбасса. Вып. 2. Новокузнецк, 1969. С. 38*).

Строительство стало отраслью народного хозяйства, в которой можно было быстрее, чем в других сферах, обзавестись жильем. Однако очереди на его получение существовали и здесь. Они были большими и часто не только не сокращались, но даже и увеличивались. К концу 1960 г. во всех строительных трестах Иркутского совнархоза в очередях на получение жилья значились сотни семей: в «Востоктяжстрое» — 1100, «Иркутскжилпромстрое» — 760, «Иркутскалюминстрое» — 530, и в «Иркутскпромстрое» — 650 семей (*ГАРФ, ф. 403, оп. 1, д. 1187, л. 140*).

Однако на конкретных предприятиях и в организациях проблема решалась по-разному. Это обстоятельство явилось одной из важнейших причин возросшей мобильности трудовых ресурсов. Даже те работники, которых полностью удовлетворяли их профессия и работа, были готовы сменить их, если видели для себя лучшую перспективу получить жилье в другом месте.

В 1960-х гг. кадровые службы строительных организаций стали анализировать причины увольнений работников по собственному желанию. Одним из основных мотивов была неудовлетворенность жилищными условиями. Так с 1964 по 1968 г. из управления «Сибметаллургстрой», ведущего в эти годы строительство Западно-Сибирского металлургического завода, из-за не предоставления жилой площади уволилось около 2 тыс. чел., что составило 6,5% от общей численности ушедших по собственному желанию. В другой крупной сибирской строительной организации — в специальном управлении «Братскгэсстрой» уволенные за годы 8-й пятилетки (1966–1970) из-за отсутствия жилплощади составили 23,2%. Заметим, что и эти данные не отражают истинного положения. В первой из этих организаций 82%, а во второй 67% составили перешедшие на работу в другие предприятия города, либо указавшие как основные причины увольнения семейные обстоятельства и выезд из города для проживания в другом месте (*Вопросы использования трудовых ресурсов Кузбасса. Вып. 2. С. 37; Мельников Г.И. Формирование и становление нового производственного коллектива. Иркутск, 1976. С. 127*). Однако на самом деле основным мотивом увольнения был все тот же жилищный вопрос.

Еще во время трудоустройства новичкам, прибывшим в организацию по оргнабору или по направлению после окончания различных учебных заведений, его обещали решить. Особенно актуальным получение квартиры было для состоящих в браке. Только располагая собственной жил-

площадь, они могли вызвать к себе оставшихся на прежнем месте жительства членов семьи. Непредоставление жилья означало нарушение условий договора. Поэтому многие уволились досрочно.

С другой стороны, если люди надеялись получить квартиру в той организации, где они работали, это являлось одним из ведущих факторов, удерживающих их здесь. Специальное исследование, проведенное в Главкрасноярскстрое, показало, что каждый пятый не планировал уходить из организации, пока не получит в ней квартиру (Абовский В.П. *Совершенствование управления строительным производством. (Опыт Главкрасноярскстроя). Красноярск, 1978. С. 121).*

В этот период люди все больше внимания стали уделять качеству своего жилища. Им нужна была уже не просто отдельная квартира, а обязательно оборудованная водопроводом, канализацией, центральным отоплением. Как свидетельствуют данные специальных исследований, повышение уровня благоустройства жилищного фонда Братскгэсстроя и Хантайгэсстроя (в 1962–1970 гг.) на каждые 10% способствовало снижению текучести кадров почти на 4% (Томсон А.А. *Опыт социально-экономических исследований в строительстве. Саратов, 1975. С. 56, 57).*

Лишь только тогда, когда строители и их семьи начинали жить в собственной или государственной отдельной благоустроенной квартире, общая площадь которой обеспечивала существующие санитарные нормы, они могли получить удовлетворение своими жилищными условиями. А это в свою очередь влияло на стабильность коллективов. Результаты проведенного автором обследования работников Братскгэсстроя показывали, что потенциальная текучесть среди удовлетворенных жилищными условиями была в 2 раза ниже, чем у тех, кто ими не удовлетворен (Долголюк А.А. *Формирование трудовых коллективов Братско-Усть-Илимского ТПК. 1955–1980. Новосибирск: Наука, 1988. С. 200–201).*

На закрепляемости кадров сказывалась и обеспеченность работников детскими дошкольными учреждениями. Ее низкий уровень обозначил послевоенный всплеск рождаемости. В условиях дефицита рабочей силы отток молодых женщин с производства лишь обострил данную проблему. Особые трудности испытывали строительные подразделения, выполняющие отделочные работы. В них доля женщин была традиционно высокой. А именно женщины преобладали среди увольняющихся из-за невозможности устроить ребенка в детские ясли или сад. Специальное обследование, проведенное в 1965 г. среди строителей Новосибирска показало, что в общей численности уволившихся «по собственному желанию», этот мотив указали 10,8% женщин и лишь 0,6% мужчин (Куприянова З.В. *Изменения в текучести рабочей силы в строительных организациях // Известия СО АН СССР. 1968. № 6. Вып. 2. С. 56).*

Как видим, по данной причине уходили с производства и мужчины, поскольку относительно невысокий доход лишь одного из супругов не обеспе-

чивал достойного уровня жизни молодых семей. Человек переходил туда, где мог получить место для своего ребенка. Выигрывало от этого и общество. Женщина после окончания отпуска по уходу за ребенком могла более оперативно включаться в процесс общественного производства.

Строительство детских садов и яслей, как в РСФСР в целом, так и в Сибири, не поспевало за ростом потребности в них. Лишь с переходом на сооружение крупных детских комбинатов индустриальными методами по типовым проектам проблема стала ослабевать. Однако по отдельным районам Сибири новые объекты распределялись неравномерно. Например, в 1965 г. имеющихся в распоряжении треста «Черемховшахтстрой» мест в детских дошкольных учреждениях хватало лишь для удовлетворения половины потребности в них. Поэтому, не случайно, 13% уволившихся из этой организации именно эту причину указали в качестве основной (ГАИО, ф. 2679, оп. 1, д. 397, л. 32, 40).

И все-таки в большей части строительных организаций Сибири острота данной проблемы со временем постепенно снижалась. Об этом свидетельствовала и статистика. В 1969 г. из организаций Главкузбасстроя из-за необеспеченности детскими дошкольными учреждениями уволилось 1978 чел. (9,3% от общей численности уволенных по собственному желанию), а в 1970 г. — лишь 178 чел. (1,3%). А в производственном объединении «Омскстрой» к этому времени данной проблемы уже вообще не существовало (ГАКО, ф. 367, оп. 1, д. 42, л. 27; д. 662а, л. 6; ГАОО, ф. 1691, оп. 3, д. 118).

Но, пожалуй, более всего недостаток мест в детских дошкольных учреждениях ощущался в районах нового индустриального освоения, где рождаемость была особенно высокой, а строительство детских комбинатов велось по нормативам хорошо обжитой местности. В Управлении строительства Усть-Илимской ГЭС в 1966 г. в детские учреждения не смогли устроить своих детей 300 чел., а на следующий год — уже 970 чел. Естественно, что многие из этих людей были вынуждены уволиться (*Социально-экономическое развитие Сибири. XIX–XX вв. Иркутск, 1976. С. 138*).

Заметим, что обеспечить высокую приживаемость строителей в осваиваемых районах за счет подъема лишь одного-двух показателей уровня жизни невозможно. Чтобы сделать это требовалось создавать условия для удовлетворения всех основных потребностей работников. Однако, на практике постоянно существовал большой разрыв в развитии индустриального потенциала и социальной сферы. Как уже отмечалось, масштабы жилищного строительства отставали от роста населения новых городов. Но еще хуже обстояло дело с развитием торговли, бытового обслуживания, здравоохранения, просвещения и культуры. В поселках строителей в зоне сооружения Иркутской ГЭС за первые три года не было построено ни одного клуба и кинотеатра. При сооружении следующих ступеней ангарского каскада — Братской и Усть-Илимской

гидроэлектростанций этот негативный опыт попытались учесть. Тем не менее, и здесь социально-бытовая инфраструктура развивалась медленно. Такое положение не способствовало закреплению новоселов в городах и поселках Среднего Приангарья.

В ходе специального исследования, проведенного в 1968 г. среди строителей в районах нового хозяйственного освоения Западной Сибири, выяснялись условия, при которых потенциальные мигранты могли бы остаться жить здесь. Естественно, что респонденты отдавали приоритет жилищной проблеме. При условии предоставления благоустроенного жилья 39% готовы были и в дальнейшем оставаться в районе; 16% не стали бы уезжать, если бы им повысили заработную плату; 28% готовы были пересмотреть свои жизненные планы при условии улучшения снабжения поселений продовольственными и промышленными товарами и столько же при условии усовершенствования культурно-бытового обслуживания и предоставления возможностей для учебы (*Хозяйственное освоение новых районов и экономический рост Сибири. Новосибирск, 1980. С. 96*).

Как видим, людей интересовали не только материальные проблемы, но и возможность повышать свой образовательный уровень и удовлетворять иные культурные потребности. Уровень текучести строительных кадров находился в тесной взаимосвязи с их качественными характеристиками: возрастом, полом, общим и специальным образованием, квалификацией, стажем работы и многими другими признаками.

Подводя итог, следует отметить, что на протяжении исследуемого периода прослеживалась тенденция постепенного, хотя и очень медленного, повышения стабильности коллективов. Это проявлялось в сокращении оборота кадров по приему и выбытию и уровня текучести. Во многом на этом сказывалось изменение отношения руководства страны, местных партийных, советских властей, хозяйственных руководителей к решению социальных проблем.

Н.С. ЖДАНОВА

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОССТАНОВЛЕНИЯ СИСТЕМЫ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО КРЕДИТА НА АЛТАЕ ПРИ ПЕРЕХОДЕ К НЭПУ

Сегодня вновь требуются новые эффективные подходы к решению вопросов кредитования сельского хозяйства, разработка которых невозможна без учета исторически сложившихся региональных особенностей. Поскольку основным проводником сельскохозяйственного кредита в 1920-е гг. на Алтае являлась кредитная кооперация, нашей задачей является рассмотреть особенности восстановления системы сельскохозяйственного кредитования.